

Спустя семь дней после того, как душа покинула тело, Ли Тан возродилась.

Ранней весной, в половине пятого утра, небо было затянуто серой пеленой, а холодный ветер пронизывал до костей. Лишь первые лучи рассвета свидетельствовали о том, что ночь постепенно отступала.

На вывеске одной из лавок виднелась надпись «Пельмени соседа Лао Вана». Дверь была приоткрыта, и сквозь щель можно было разглядеть пожилого мужчину, который с трясущимися руками суетился внутри.

Из пароварки доносился лёгкий аромат паровых булочек, способный пробудить голод даже после ночного сна. Рядом стояла кастрюля с чайными яйцами, которые за ночь потеряли большую часть своего аромата.

Скрип... Грохот... Скрип...

Издали доносился звук, похожий на движение телеги, но прислушавшись, можно было понять, что это что-то другое — словно что-то тащили по полу, но не совсем так, что вызывало недоумение.

Услышав эти звуки, дедушка Ван схватил пакет, облилизал большой и указательный пальцы, провёл ими по краю пакета, открыв его.

Он взял шумовку, зачерпнул два чайных яйца, но рука дрогнула, и одно упало. Неизвестно, случайно или намеренно, он снова поднял его, повторяя про себя:

— Одно... одного хватит... наверное... наверное, никто не заметит.

Звук приближался, и стало ясно, что это скрип колёс тележки, которая то останавливалась, то снова двигалась вперёд из-за своего большого веса.

Дедушка Ван вышел наружу и увидел высокий бочонок, за которым едва виднелось бледное лицо девочки с потрескавшимися губами. Она была одета в поношенную зимнюю одежду, которая явно не спасала от холода, особенно теперь, когда промокла. Лишь её глаза оставались ясными и живыми.

Девочка с трудом толкала тележку, остановившись возле дедушки Вана с глухим стуком. Эту тележку её мать заказала у городского кузнеца десять лет назад. Мастерство было на высоте, но время взяло своё, и теперь она покрылась ржавчиной.

Дедушка Ван шагнул вперёд, чтобы помочь зафиксировать тележку.

Увидев, что и без того тонкая зимняя одежда промокла, он с упрёком сказал:

— Одежда мокрая, надо бы сменить. Если нет другой, скажи дедушке. Я попрошу тётю Ван дать тебе старую, а соседка тётя Чень поможет её починить, будет как новенькая.

— Дедушка Ван, не беспокойтесь, у меня есть. Просто сегодня утром случайно промокла, но под одеждой всё сухо, ничего страшного, — улыбнулась девочка, обнажив белые зубы.

— Эх, ты, девочка, разве я в свои годы не вижу, мокрая она или нет? Завтра обязательно сошьём новую.

— Спрячь чайные яйца, чтобы тётя не увидела, — сказал дедушка Ван, незаметно положив яйца в мокрый карман девочки.

Увидев, что он достаёт яйца, девочка попыталась вернуть их обратно.

В прошлой жизни из-за этих яиц дедушка Ван не раз выслушивал упрёки от тёти Ван. Мир не стоил того, но эта доброта стоила.

Дедушка Ван строго посмотрел на неё, в его мутных глазах читалась искренность:

— Дедушка не может помочь тебе в большом, но не могу же я смотреть, как ты голодаешь.

— Тётя Ван на самом деле добрая, просто язык у неё острый, не обращай внимания, возьми и иди домой.

Он похлопал по карману с яйцами и помог девочке сдвинуть тележку.

Впереди был дом.

Сзади раздался резкий голос женщины:

— Папа, опять даёшь яйца этой девочке из семьи Ли? Её мачеха говорит, что она ворует.

— Я знаю её с детства, она не такая. Она умная и трудолюбивая, у неё будет хорошая жизнь, она прославит наш род.

Ли Тан ничего не сказала, лишь сжала потрескавшиеся губы, и капли крови выступили на них. Она слизала их языком, не желая терять даже эту каплю.

Сейчас еды и так не хватало, а кровь — это что-то ценное, её нельзя терять.

Она шла с трудом, шаг за шагом.

Если не ошибалась, сегодня утром ей, как обычно, досталось несколько глотков воды и половинка булочки.

Эту булочку...

Она помнила, как семь лет назад её сводный брат наступил на неё.

Восемнадцать лет — это время, полное чистоты и надежд.

Вчера она впервые за всё время возразила этой семье. Через два месяца у неё будет гаокао.

Подняв голову, она увидела на вывеске четыре иероглифа, написанных с размахом: «Тофу „Два Дракона“».

Ради этой вывески Ли Тан с десяти лет, восемь лет подряд, дважды в день привозила воду из Пруда Двух Драконов, что в пяти километрах отсюда. И это не считая тех случаев, когда бизнес шёл особенно хорошо, и приходилось делать дополнительные рейсы.

Из магазина вышла женщина в пёстром платье, зевнула и, уперев руки в бока, крикнула:

— Чего стоишь? Быстрее ставь воду на место. Не знаю, зачем мы тебя держим, только одни убытки.

— Сейчас, тётя, — покорно ответила Ли Тан, переливая воду из ведра в специальный бак.

Она собиралась сходить ещё раз, но полуденное солнце было слишком палящим, и она сомневалась, что выдержит.

Женщина, увидев, что обычно молчаливая девочка сегодня вдруг заговорила и стала такой послушной, задумалась.

— Эй, что у тебя в кармане? Ты украла деньги, чтобы купить это? Давай сюда.

Девочка не ответила, и, в отличие от обычных дней, даже не посмотрела на неё. Женщина задумалась.

Она крикнула внутрь магазина:

— Чен, спускайся, деньги, которые украли, нашли.

Её голос был громким, и соседи, у которых не было дел, начали подходить.

Ли Тан взяла ковш и начала переливать воду в основной бак, время от времени брызги воды разлетались в стороны.

Из магазина вышел сонный мужчина, крупный, с грубыми чертами лица, которые немного напоминали Ли Тан, но при ближайшем рассмотрении были совершенно другими.

Ли Тан была похожа на мать, с мягкими чертами, характерными для южных провинций, поэтому Ли Чен не особенно любил дочь, считая, что она не похожа на него.

Ли Чен скрежетал зубами, оглядывая Ли Тан, и сквозь зубы выдавил:

— Кто?

Соседи, которые уже открыли свои лавки, начали собираться вокруг. Те, у кого не было дел, присели на скамейки, а те, кто был занят, выглянули из своих магазинов. В общем, все, кто жил здесь много лет, всегда собирались, когда происходило что-то интересное.

— Чен, это касается старшей дочери, может, пойдём наверх поговорим? — сказала женщина, её голос был достаточно громким, чтобы все вокруг услышали.

Ли Чен разозлился, глядя на девочку, он вспомнил свою покойную жену, которая оставила после себя только долги и эту «ненужную» дочь.

Он поднял руку, собираясь ударить, но его остановила слабая рука.

Даже после перерождения обиды остались теми же. Даже если Ли Тан смирилась и покорилась, конец, вероятно, был бы таким же.

Она сбежала, два дня жила у дедушки Вана, затем поступила в университет на его пенсию, а потом разбогатела.

Именно тогда она поняла, что в мире есть добрые люди, как тётя Ван, которая, несмотря на резкие слова, была доброй. Но есть и те, чьи сердца чёрны, даже если они связаны кровью.

Но она не воровала эти деньги, и эта обида была несправедливой.

Она остановила руку Ли Чена и улыбнулась, как это бывало только в те редкие моменты, когда она была счастлива:

— Папа, зачем ты хочешь ударить меня? Я не брала эти деньги.

Раньше Ли Чен заставлял Ли Тан называть Гао Мянфан мамой, но девочка отказывалась, и

они долгое время находились в противостоянии. Ли Чен даже говорил:

— Не называешь её мамой, тогда и меня не зови отцом.

Прошёл уже год с тех пор, и это слово «папа» заставило Ли Чена дрогнуть.

— Старшая дочь, как ты могла взять деньги, которые отец копил на лечение? Это же деньги на его жизнь.

После этих слов Гао Мяньюан соседи начали перешёптываться.

— Не думала, что старшая дочь Ли такая...

— Да уж, родная дочь берёт деньги отца на лечение, чтобы гулять.

— Лицом вроде хорошая, а сердце чёрное.

— Эта девочка не выглядит такой.

...

Лицо Ли Чена становилось всё мрачнее. Он вырвал руку из рук Ли Тан и ударил её.

На этот раз Ли Тан не стала останавливать его, да и не хотела.

Долг перед родителями был погашен. В прошлой жизни она отдала им всё своё богатство, всю свою славу, но в этой жизни она хочет только одного — спокойствия и счастья.

Она подняла голову, и в её глазах читалась только правда:

— Папа, я не брала.

<http://bllate.org/book/15496/1373980>